

В самых первых своих рассказах Максим Горький весомо заявил, что его религия – Человек с большой буквы. Вспомним романтических героев начинающего писателя: Макар Чудра, Лойко Зобар, Радда, Данко с горящим сердцем, ведущим людей к свету из тёмного лесного царства. И таких людей Горький не находил на переломе XIX–XX веков в буржуазной России, в духовном смысле напоминающей душную, предгрозовую иссохшую от жара капитализма степь, жаждущую освежающего дождя. Капитализм Максим Горький характеризовал, как всегда, прямо и откровенно: «Зло жизни, он не стесняется своей ролью, он цинично откровенен в своих действиях и, нагло говоря грохотом машин “всё моё!”, равнодушно развращает людей, искажает жизнь» («Заметки о мещанстве», 1905 г.).

«Красивые – всегда смелы», но они, к сожалению, только в сказках. И эту сказку взялся приближать к реальности молодой писатель Максим Горький. Присматриваясь, прислушиваясь к людям из народа во время своих странствий по Руси в 1888–1889 и 1891–1892 годах, он понял, что они есть, эти красивые, гордые и сильные, как его Сокол, люди, но они задавлены гнусной действительностью, социальной несправедливостью, при которой им – нужда и тяжкий труд, а жестоким их гонителям – все блага, возможные на свете. И потому, гордясь русским народом, он тем не менее отмечал: «Народ по природе сильный и предприимчивый, он долго ничего не мог сделать своими крепкими руками, туго связанными бесправием; неглупый, он был духовно бессилен <...>, смелый, он двигался медленно и безнадёжно, ибо не верил в возможность вырваться из плена...»

Максим Горький – один из первых высоких умов, кто на стыке XIX и XX веков художественными средствами заговорил об эксплуатации людей труда и необходимости их коллективного сплочения ради осво-

бождения от гнёта несправедливости. Стефан Цвейг в речи к 60-летию М. Горького резонно отметил, что ранее «все виды творчества в пределах Российской империи принадлежали дворянству (имеется в виду XIX век. – М. Ч.)... <...> Но вот происходит чудо, неожиданное и негаданное: тысячу лет молчавший народ внезапно сам обретает дар речи. Из собственной плоти он сотворил себе уста, из собственного глагола – своего глашатая, из собственной толщи – человека, и этого человека, этого писателя – своего писателя и заступника он вытолкнул из своего гигантского лона, дабы он всему человечеству подал весть о русской народной жизни, о русском пролетариате, об униженных, угнетаемых и гонимых».

Словно искра, вылетевшая из огнива, тема угнетения трудового народа зажгла мировой пожар осуждения капиталистической действительности. Француз Анри Барбюс с романами «Огонь» и «Свет из бездны», датчанин Мартин Андерсен Нексе («Пелле-победитель»), американец Джек Лондон («Люди бездны», «Железная пята»), словно вторя Максиму Горькому, подняли свой голос в защиту обездоленных тружеников, боль за которых стала их личной болью. «Я не могу допустить примирения между поработителем и поработленным. Противоречия жизни должны быть свободно развиты до конца, дабы из трения их вспыхнула истинная свобода и красота, животворящая, как солнце. Великое, неисчерпаемое горе мира, погрязшего во лжи, во тьме, в насилии, обмане, – моё личное горе», – писал Горький в «Заметках о мещанстве».

Почему же в XXI веке в России (впрочем, и в мире тоже) ничтожно мало публицистов и писателей, воспринимающих горе народа как своё личное, как Максим Горький? И разве российский капитализм с «суверенной демократией» чем-то лучше всех других национальных капитализмов мира?

Может быть, не только пишущей интеллигенции, но и самим **современным** рабочим неинтересна правда, как интересна она была Павлу Власову, герою романа «Мать»?

«Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, – люди стали лучше!»

Карл Каутский писал М. Горькому в 1907 году после прочтения романа «Мать»: «Сила и художественная выразительность позволяют мне так глубоко проникнуть в эти условия, будто я сам в них жил». Далее он признавался: «...если Толстой учит меня понимать Россию, которая была, то Ваши работы учат меня понимать Россию, которая будет, понять те силы, которые вынашивают новую Россию».

Или в XXI веке физический труд стал легок, как детская игра, а между рабочим человеком и его хозяином (работодателем) наступило полное взаимопонимание и блаженный мир, при котором хочется лишь смеяться от радости и чувства глубокой надежды на светлое будущее без угроз увольнения и других санкций? И не нужно вовсе искать правду, как искал её Павел Власов?

Несомненно, заводской труд на станках с цифровым программным управлением, каждый из которых управляется бригадой из 26 программистов, а сам станок представляет собой по кубатуре целый цех времён Максима Горького, стал гораздо легче и интеллектуальнее. А значит, и капитализм стал более человечным к людям, работающим на владельцев «заводов, газет, пароходов»? И сами они, хозяева жизни, «которые захватили в свои руки власть над всей землёй и над человеком и всё хотят развить, укрепить эту власть силой золота», стали добрее к своим подчинённым? Что они не «обезумели от жадности» и не «стали глупыми

и жалкими рабами своих фабрик и машин, своих векселей и золота, зарвались, запутались в сетях дьявола наживы...»)?

Они лишь стали хитрее и изворотистее, тем и сохраняют своё господство.

И странно слышать призывы некоторых государственных мужей и СМИ, их обслуживающих, к единению рабочих и капиталистов, к их примирению. Эти призывы в своё время слышал и Максим Горький, оценивая их так: «Они хотят примирить мучителя и мученика и хотят оправдать себя за близость к мучителям, за бесстрашие своё к страданиям мира» («Заметки о мещанстве»). И эти призывы – суть проявления мещанства, утверждает он. «Роль примирителя – двойственная роль, и мещанин – вечный пленник внутреннего раздвоения. Всё, что он когда-либо выдумал, носит в себе непримиримые и подлые противоречия. Он в одно время даёт человеку бутылку водки и книжку о вреде алкоголя, взимая с того и другого товара известный процент в свою пользу».

Ах, как точно и мудро подметил Горький мещанскую сущность, совсем не изменившуюся за последние сто с лишним лет. Не это ли мы, граждане России, видим сейчас, но не признаём правду истиной. Почему?

Да, сейчас не индустриальное общество, которое обвинял М. Горький, а информационное и постиндустриальное, суть его кратко можно выразить всем известным умением вешать лапшу на уши. Другими словами, оно в искусстве манипулировать сознанием так, чтобы человек верил не упрямым фактам, а словам, льющим с экранов ТВ, со страниц газет и мониторов персональных компьютеров. Факты же таковы, что наёмные работники в офисах и цехах постоянно находятся под наблюдением видеокамер, показывающих не только картинку, но и записывающих звук. Такой колпак страшнее, чем контроль надсмотрщиков на рабовладельческих плантациях в Древнем Риме и в США XVIII–XIX веков или контроль цеховых мастеров на заводах царской России. В XXI веке хозяева жизни хотят иметь в своей собственности не только тело и руки труженика, но его мысли и душу. Втайне они хотят совсем отказаться от живых работников, заменяя их роботами и андроидами. Без живых работников меньше хлопот.

Современное научно-техническое развитие, финансируемое теми же капиталистами, успешно решает задачу роботизации промышленного производства. Капиталисты хотят снять с себя ярлык эксплуататора и выдать себя за благодетелей человечества. Это им удаётся. Ну как же, они заботятся о здоровье рабочего и заменяют тяжёлый ручной труд машинным, внедряют автоматику, роботы! Кроме этого, они поставили на службу себе философию. Для сокрытия преступлений капитала придумано течение социал-дарвинизма. Вкратце оно гласит: богатый человек добр и заботлив. Он платит большие налоги, благодаря которым кормится бедный и неблагодарный нищелюб, носитель всемирного зла и смуты.

Наряду с основной задачей постиндустриального общества, сокрытие эксплуататорской сущности капитализма «нового» типа, поставлена задача атомизации трудящихся, чтобы каждый из них думал только о своей рубахе на грешном теле. Последствия этого каждый из нас, живущий в России, наблюдает ежечасно и ежедневно. Все заметили, как с возвратом капитализма будто по мановению волшебной палочки низко пали в обществе культура, нравы и иссякло, словно испарилось

творчество. Четверть века назад пришла упорно призываемая либеральной интеллигенцией свобода творчества, но что-то никто не создал нечего похожего на «Берегись автомобиля» и «Девять дней одного года» в кинематографе и не написал рассказа, равного по силе воздействия «Судьбе человека» и «Уроков французского». Рухнула так называемая тоталитарная советская система, принижающая возможности человека по утверждению либеральных буржуа, а результат? Итогом стала культурная и моральная опустошенность. Все это заметили, но мало кто задумался: почему так?

Максим Горький в статье «Разрушение личности» (1909) четко ответил на этот вопрос. Читаем и запоминаем: «Каждый знает, какую роль играла частная собственность в дроблении коллектива и в образовании самодовлеющего «я», но в этом процессе мы должны видеть, кроме физического и духовного порабощения народа, распад энергии народных масс, постепенное уничтожение гениальной, поэтически и стихийно творящей психики коллектива, которая одарила мир наивысшими образцами художественного творчества».

Пришедший на смену советскому коллективизму буржуазный индивидуализм (не путать с индивидуальностью) заживо похоронил народное творчество (речь не идет об уже созданные и ранее разработанные его виды). Творчество народа Горький характеризовал весьма категорично: «Искусство – во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив. Зевса создал народ, Фидий лишь воплотил его в мрамор».

После буржуазной контрреволюции народ с 1991 года замкнул свои уста и душу, даже политических анекдотов в лихие 90-е было не услышать. Причина молчания – грандиозный обман: национальная собственность, ради укрепления которой народ отдавал здоровье и свои жизни, была передана в частные руки. «Народ безмолвствует», – отметил Пушкин, заканчивая драму «Борис Годунов». После этого молчания и апатии во время правления царя Бориса наступила великая российская Смута начала XVII века. Что случится с Россией после народного молчания новейшего времени, остаётся только догадываться. Очевидно лишь одно: молчащий народ, потерявший энергию, или пассионарность (по определению Льва Гумилёва), не способен выдвигать из своих рядов героев, о которых мы начали статью. «И всегда и всюду на протяжении истории – человека создавал народ», – констатировал Максим Горький. Активный, ищущий народ, – добавим мы от себя, – объединённый общей идеей созидания.

Разобщённый, запуганный и безмолвный народ весьма и весьма желаем капиталистами – им легко управлять. Максим Горький, анализируя принципы капитала, говорит, что тот строит общество по типу толпы – группы людей, связанных между собой временно, непрочно и по сиюминутному настроению. В такой системе, говорит Горький, «нет творческой, то есть социальной связующей идеи, и не может быть длительного единства энергии, – каждый субъект является носителем грубо и резко очерченного самодовлеющего “я”».

Причинно-следственная цепочка в таком случае складывается вполне очевидная. Без коллективной идеи, объединяющей отдельных людей в народ, исчезает в нём созидательная энергия, подвигающая массы к творчеству. Без творчества хиреет культура, падают нравы в обществе, индивидуумы мечутся из угла в угол, погружаются в оккультные верования, бросаются в разврат, кто верит в Бога, кто-то преклоняется перед дьяволом. Короче говоря, кто в лес, кто по дрова.

Особое место в развитии общества как во времена Максима Горького, так и в XXI веке занимает интеллигенция, заслуги которой в русском искусстве и в технике весьма и весьма значительны, но велика её вина в разрушении государства российского. И притом неоднократного: и в 1917, и в 1991 годах. Стоя всю жизнь на материалистических позициях, Максим Горький был уверен: чтобы понять психику любого человека, нужно определить его социальное положение. Положение интеллигента он определял так: «Позиция интеллигента в жизни была столь же неуловима, как социальное положение бесприютного мещанина в городе: он не купец, не дворянин, не крестьянин, но – может быть и тем, и другим, и третьим, если позволят обстоятельства». Очень верное замечание, полностью отвечающее поговорке о никчёмных людях: ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. Тут требуется уточнение к словам Горького «но может быть и тем, и другим, и третьим» – может, но **не хочет**, и никакие обстоятельства не будут тому причиной. Интеллигент третьего и четвертого поколения скорее умрёт с голоду, чем станет крестьянином, потому что он презирает труд, особенно физический. Трудящийся человек для него – «неуловим, непонятен и внушает интеллигенту спутанное чувство робости перед ним, удивления и ещё каких-то ощущений, которые интеллигенту не хочется и трудно определить, но в которых мало лестного для мужика» («Разрушение личности»).

Так считает Горький, и думается, что он прав на все 100%, будто и не прошёл век. Впрочем, действительно, не прошёл, потому что Россия, предав социалистический метод, отброшена в идейном и экономико-политическом плане на сто лет, в эпоху первоначального накопления капитала или дикого капитализма. Ту, что мы проходим в текущий момент. Потому-то все характеристики, данные Максимом Горьким в 1909 году русским интеллигентам, писателям и мещанам, идеально подходят к ним и в XXI веке.

«Современного литератора, – пишет Горький в статье “Разрушение личности”, – трудно заподозрить в том, что его интересует судьба страны. <...> для них родина – дело, в лучшем случае, второстепенное, <...> проблемы социальные не возбуждают их творчества в той силе, как загадки индивидуального бытия, <...> главное для них – искусство, свободное, объективное искусство, которое выше судеб родины, политики, партий и вне интересов дня, года, эпохи. Трудно представить себе, что подобное искусство возможно». Оно не только возможно, но очень даже процветает, судя по победителям и лауреатам таких литературных премий, как «Большая книга», «Национальный бестселлер», «Русский Букер». В лучшем случае темами их произведений становятся описания жизни великих людей прошлого, мистика, истории давно минувших лет, различные утопии и антиутопии, оторванные от реальной жизни, в худшем – опошление и надругательство над советской историей с её достижениями. И те и другие с обязательным русофобским душком. Она-то, русофобия, и является своеобразным пропуском к зарубежному читателю, привычно поносящему всё русское от творчества до спорта. Эти творения активно переводятся на иностранные языки именно в силу негативного отношения к советской и русской истории.

Почитайте произведения большинства лауреатов вышеуказанных премий, и вы согласитесь с мнением Максима Горького, описывающим этих авторов: «...для всех их одинаково характерна чрезмерно лёгкая

возбудимость психического аппарата, быстрая смена его возбуждений, настроения угнетающего свойства, отрывочный ход идей, социальная тупость...».

Сравнивая литературу 80-х годов XIX века и литературу начала века двадцатого, Горький отдаёт явное предпочтение литературе прошлого, говоря, что «интеллигентское “я” того времени было всё-таки более чутким этически, – в нём ещё заметна здоровая брезгливость юности, оно не проповедовало педерастии и садизма, не смаковало картины насилия женщин». В начале века XXI русскоязычное искусство пустилось во все тяжкие. Проповеди свободы секса, педерастии, садизма, характерные для буржуазных мещан от искусства, возведены в превосходную степень. Теперь уже не только с текстовыми описаниями постельных сцен можно ознакомиться в «художественных произведениях», но и увидеть их, как своеобразные инструкции в натуре, со сцен театров и на экранах кино.

То, что литература и искусство в целом начала XXI века является нерасторжимой частью культуры начала века двадцатого, нет ничего удивительного. И та и другая её части отражают схожую капиталистическую действительность, хотя и разделена она веком. Угол падения равен углу отражения, и отражается художественный луч от абсолютно одинаковой поверхности: достижение наживы любой ценой, восхваление и преклонение перед сильными мира сего и западными «учителями», презрение к трудящимся людям, очернение истории страны. Потому-то характеристики Максима Горького так убийственно верны, поражают не бровь, а глаз и лишний раз подтверждают истину, что бытие определяет сознание. Бытие же вековой давности и бытие нынешнее похожи, как сиамские близнецы.

Раз за разом Горький восхищает нас, читателей XXI века, пророческим даром. Вот слушайте: «На Руси великой народился новый тип писателя, – это общественный шут, забавник жадного до развлечения мещанства, он служит публике, а не родине, и служит не как судия и свидетель жизни, а как нищий приживал – богатому. <...> Современный русский “вождь общественного мнения” утратил презрение к пошлости: он берёт её под руку и вводит в храм русской литературы. <...> Он научился ловко писать, сам стал фокусником слова и обнаруживает большой талант саморекламы. Иногда и он крикливо, как попугай, порицает мещанство; мещанин слушает и улыбается, зная, что задорные эти слова – лай комнатной собачки и что сахаром ласки легко вызвать у неё благодарный визг. <...> в них с поразительной быстротой выявлялась органическая неспособность интеллигента к дисциплине, к общежитию, и немедленно чёрным призраком вставала роковая и отвратительная спутница русского интеллигента – позорно низкая оценка человеческого достоинства ближнего своего».

Да, что-то, а способностью к саморекламе, или самопиару, как говорят ныне, писатель XXI века обладает уникальной. Он пользуется малейшей возможностью засветиться на экране телевизора, прекрасно понимая, что не талант, не знания, не опыт жизненный, не сострадание к человеку важны в век социальных сетей и телевидения, а количество выходов на экран. Массовая мещанская культура, а иной при капитализме быть не может, признаёт только тех, кто имеет покровительство хозяев, тех, кто имеет много «лайков» в соцсетях.

Максим Горький, говоря о неуважении к собрату по перу и к ближнему своему как «позорному спутнику» интеллигента, писал: «...иногда

от кого-нибудь из них мы узнаём, что кто-то из предков Льва Толстого служил в некоем департаменте, Гоголь обладал весьма несимпатичными особенностями характера...» Вот и в XXI веке вдруг читаем у писателей и «исследователей», что Чехов посещал проституток, а Зоя Космодемьянская была шизофреничкой.

Всё изложенное выше даёт нам полное право поставить в текст выводов Максима Горького фамилии нынешних русскоговорящих (и только) «культурных просветителей». В этом случае мы будем иметь следующее: «Когда люди типа господина Мережковского (К. Серебrenникова, К. Райкина, А. Макаревича, Ч. Хаматовой, Л. Ахеджаковой и т. д. и т. п. – добавлено мной. – М. Ч.) кричат и поют о необходимости защиты “культурных ценностей”, “наследия веков”, то им не веришь».

4

В последние годы жизни М. Горький считал главным делом работу над романом-эпопеей «Жизнь Клима Самгина», этой, по сути, истории духовной жизни России на рубеже XIX–XX веков. Созданный им образ Клима – типичнейший образ хлюпика-интеллигента XX века, «лишнего» человека, такого же, какими в своё время были Евгений Онегин, Григорий Печорин, Владимир Бельтов. Над чем бы Самгин ни думал, сознание его всегда на перепутье, он не может ни в чём конкретно определиться, ответы на чёткие вопросы у него всегда между «да» и «нет». И потому жизнь Самгина – это синтез наблюдений с 1905 года (время написания статьи «Заметки о мещанстве») М. Горького над российской интеллигенцией и анализ мировоззрения этой так называемой прослойки, так дорого обходящейся российскому государству в его «минуты роковые».

Именно такие интеллигенты (а их в России немало), прозревая в Самгине свою сущность, в годы перестройки и позднее возложили на Горького ответственность за «сталинский» социализм, ненавидимый ими до глубины души. Дискредитация писателя в начале 90-х формировалась и проходила в условиях «борьбы с советским тоталитаризмом», с социализмом как политической системой, с «проклятым наследием» коммунистических идей. Обладая весьма прочной злой памятью, интеллигенты до сих пор не могут простить Максиму Горькому его провидческие определения, раскрывающие их гниловатую суть. Так, на передаче «Культурная революция» один из поэтов (лауреат «Букера») ничтоже сумняшеся навесил на Горького такие ярлыки: «босьяк, люмпен из мещан, ловкий актёр и лицемерный позёр». Вот оно, истинное проявление культуры интеллигента, верно подмеченное М. Горьким. Однако поэту показались оскорбления недостаточными и завершил он свою «разоблачительную» речь совсем уж неприличным: «На руках Горького, как и Сталина, вся кровь, пролитая в стране до и после 1937 года». Несколько мягче рассуждал на этой передаче другой лауреат «Большой книги».

Базарно-уголовный диалект, характерный для нынешних «интеллигентов», дал основание Виталию Третьякову (политологу, автору и ведущему философской телепрограммы «Что делать?») утверждать в одной из статей, что русской интеллигенции в XXI веке не стало. Возможно, что так, но русскоязычная «интеллигенция» продолжает здравствовать и процветать, как змея, на шее доверчивого народа.

И ещё факт, что вызывает ненависть у «интеллигентов» к «босьяку» Максиму Горькому и другим русским «босьякам» из народа (С. Есенин,

например), что он (они), по словам Андре Жида, стал «всемирно услышанным» писателем. И ещё он сказал: «Ни один русский писатель не был более русским, чем Максим Горький». Нынешним «интеллигентам», не смотря на мощные СМИ, на социальные сети, паутиной опутавшей земной шар, никогда не стать всемирно услышанными, потому что недалёк их кругозор и убоги идеи, которые они пытаются пропагандировать.

«Интеллигентов» бесит вся та огромная переписка, которую вёл М. Горький с великими людьми своего времени (20 000 писем), в том числе и с зарубежными. Эпистолярное это наследие говорит об огромном уважении к русскому писателю из народа, а значит, и к самому народу, к русскому миру, ярко воплотившемуся в таланте М. Горького. Когда в конце 1905 года в разгар революционных боев в Москве М. Горького арестовали в Риге, а затем перевезли в Петропавловскую крепость, за его освобождение поднялась вся мировая общественность. Свободу Горькому требовали Анатоль Франс, Огюст Роден, Марк Твен, Анри Барбюс, Мартин Андерсен Нексе и другие. После освобождения Максим Горький уехал в США, создав там знаменитый очерк «Город жёлтого дьявола» и роман «Мать».

Есть и объективные (не зависящие от сознания) причины некоторого забвения М. Горького. Сейчас в России, как и во всем мире, у власти теснятся представители «одномерного» человека, мещанина, поклонники жёлтого дьявола – самого главного врага Максима Горького, которому он противопоставлял Человека с большой буквы. Героя – сильного, красивого, справедливого, благородного. Потому М. Горький выведен из школьных программ, потому сменили название улицы в Москве на безликую Тверскую, потому убрали памятник буревестнику революции с площади Белорусского вокзала в той же Москве во времена мэрства «интеллигента» Гавриила Попова. К счастью, вернули на место спустя четверть века, в июне 2017 года.

И как бы там ни было, прежде всего он был народным заступником, а не просто пролетарским писателем, как его представляют сейчас «интеллигенты». Они чётко понимают, что в условиях постиндустриального общества надобность в пролетариате резко уменьшилась, а значит, должен исчезнуть из памяти народа его защитник и их идейный противник, колющий им глаза правдой, как иглой. Мелкобуржуазное общество – их питательная среда. Аморфное время без чёткой дисциплины и ответственности, но с воровством на всех этажах «социального лифта», время болтливых «лириков» в ущерб практичным «физикам», время голого расчёта вместо искренней любви, время суетливых подхалимов и забвения здравых, прямых мыслителей. Это общество и само мещанство – «бездонно жадная тряпина грязи, которая засасывает в липкую глубину свою гения, любовь, поэзию, мысль, науку и искусство» («Разрушение личности»). Вот почему в XXI веке нет гениальных произведений, подобных горьковским, усыхает наука и творчество, нет Человека, ничтожно мало Героев.

Остаётся лишь надеяться, что народ и писатель Максим Горький останутся неотделимы друг от друга. Или, как писал (1928 г.) в заключение своей речи Стефан Цвейг: «Мы приветствуем Максима Горького, народом рождённого художника, и русский народ, который сам стал художником в его лице».

Быть тому!